

Зверев
Александр
Анатолий

0302
коро художнику наскучило лепить по трафарету, и он начал фантазировать. Его уволили.

Литератур.-2002-март-с.26-27.

Марина Гурина

Он страдал от душевной болезни, жил в бедности, всю жизнь скитался и умер в безвестности, как Ван Гог. А после смерти картины Анатолия Зверева стали продавать за фантастические деньги.

ИЗ ДЕСЯТИ ДЕТЕЙ СЕМЬИ ЗВЕРЕВЫХ (отец был дворником, мать работала на фармацевтической фабрике) выжили трое: сын Анатолий и две девочки.

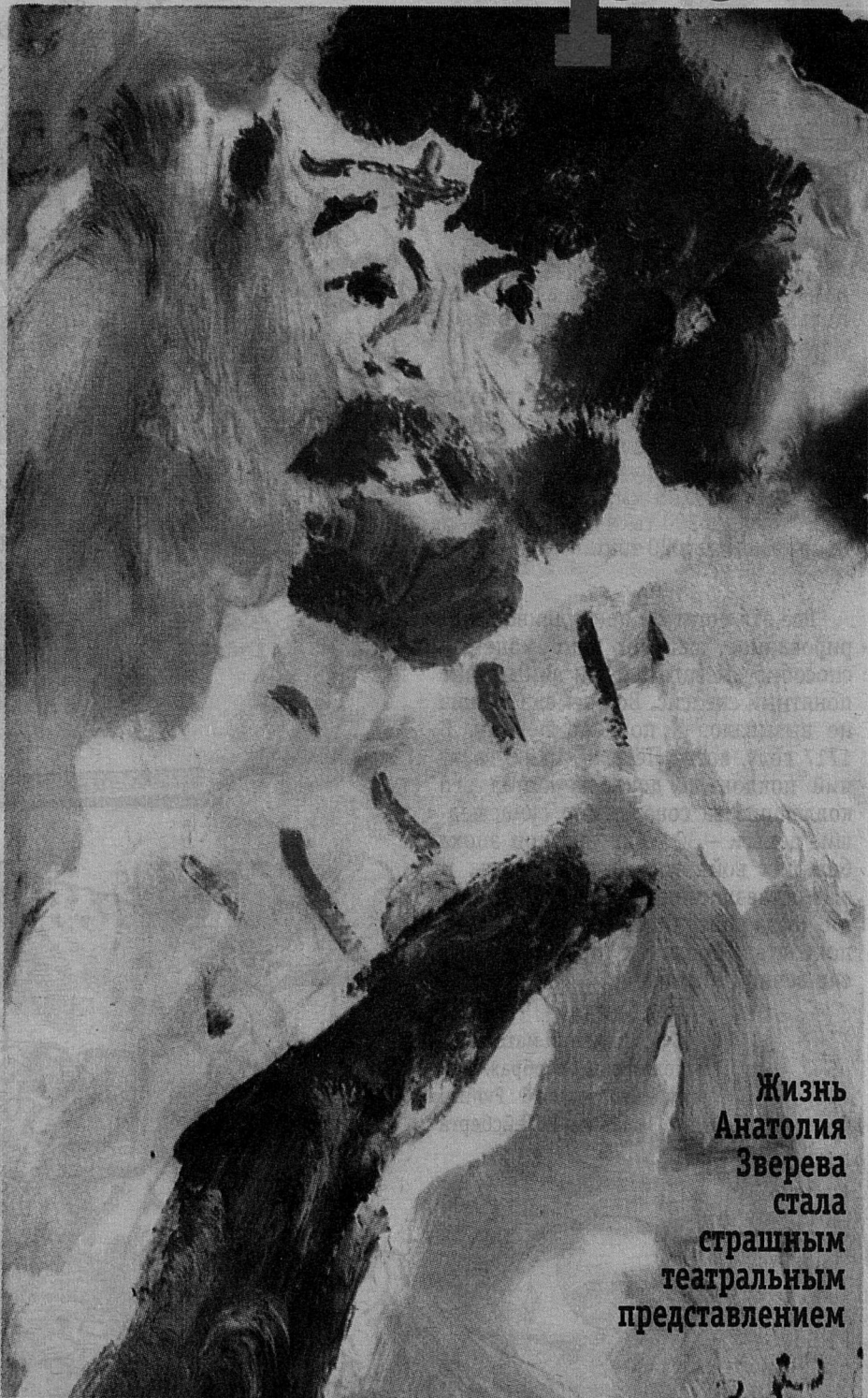
После 6-го класса против всяких правил мальчика взяли в художественно-ремесленное училище, куда брали только выпускников семилетки – понравились его рисунки. Однако непоседливое юное дарование, не закончив училища, сбегало на стройку зарабатывать деньги: отец умер в войну, а на материнскую зарплату жить было невозможно. Устроился маляром-альфрейщиком (делал лепнину на зданиях), но очень скоро художнику наскучило лепить по трафарету, и он начал фантазировать. Раз два ему попеняли на непонимание поставленной задачи, а потом уволили.

Куда было податься? Анатолий пришёл в военкомат и попросился во флот. Не заладилась и служба. Неординарное поведение молодого призывника ставило всех в тупик. На приказ мыть пол рядовой Зверев отвечал, что ему больше нравится чистить картошку. Одевался не по уставу, предпочитая во всех случаях жизни носить только тельняшку. В результате заболел тяжелейшим воспалением лёгких и отчего-то начал заикаться. Медицинское обследование обнаружило у него нервное расстройство, и после семи месяцев военной службы Анатолия Зверева комиссовали с диагнозом "шизофрения".

И пошёл он наниматься художником-оформителем в парк "Сокольники". Картина была ещё та: человек без документов и почему-то в разных сапогах, один – хромовый, другой – кирзовый. Решающую роль и тут сыграли рисунки, дирекция парка решила рискнуть. Конфликт между скучной нормой и полётом фантазии наметился очень скоро. Уж больно смело были нарисованы сказочные птицы для детских площадок. И потом – что за хулиганский метод рисовать метлой или веником? Было ясно, что пора уходить. И тут милая женщина, методист парка, познакомила художника со своим братом – актёром Александром Румневым, который сразу понял, что этот художник-самоучка, может, и не знает азов живописи, но от природы одарён чрезвычайно. Он и вынес вердикт: "Будешь делать портреты моих знакомых – за деньги!"

В училище "Памяти 1905 года" Анатолий Зверев явился в матросской тельняшке и рваных ботинках на босу ногу, в сопровождении "телохранителя" Румнева. Его приход запомнили многие. Он шёл по коридору с развевающейся чёрной кло-

СКОМОРОХ

Автопортрет.

кастой бородой, отдавая честь висевшим в коридоре портретам руководителей партии и правительства. И это было только начало. Студент спорил с преподавателями, прогуливал лекции – демонстративно садился на крыльцо училища и рисовал прохожих. Люди останавливались, совали мятые рубли, которые с подчеркнутым достоинством принимал "телохранитель". Когда собравшаяся толпа зевак угрожала перекрыть уличное движение,

появлялся милиционер. Сеанс заканчивался, и друзья шли в пивную тратить кровно заработанное.

ТАЛАНТЛИВОМУ ХУДОЖНИКУ МНОГОЕ прощали, но он не знал удержу. Как-то раз на уроке натюрморта, не найдя под рукой бумаги, не долго думая, снял со стены портрет Маленкова, перевернул его, поставил на мольберт и начал рисовать. Преподавателя едва не хватил удар: он принял Ма-

ленкова за Сталина. Зверева, конечно же, отчислили, посоветовав "подлечиться".

Неунывающий Зверев тут же устроился в объединение "Реклам-фильм", но и здесь не обошлось без скандала. Как-то посмотрев красивый романтический фильм о Варшаве, он нарисовал такой плакат: по голубому небу летит серебряный истребитель, на котором распята черепашка. На возмущённые крики начальства художник с провидческой наглостью заявил: "Вы не понимаете смысла рекламы. Главное – заинтересовать зрителя, чтобы он в зал пришёл, а что там ему покажут – неважно. Реклама – мама!"

Так провалилась ещё одна попытка наладить мирное сосуществование с обществом. Тогда Зверева взяла под свою опеку жена известного собирателя русского авангарда Зинаида Семёновна Костаки. Она кормила и одевала художника, выменивала его картины у иностранцев на вещи. А он разбивал дорогие заграничные ботинки, играя во дворе в футбол с мальчишками, и тут же без сожаления выбрасывал обувку на помойку.

В 1957 ГОДУ НА ВСЕМИРНОМ ФЕСТИВАЛЕ молодёжи и студентов случилось непредвиденное: международная комиссия присудила Звереву золотую медаль. Отщепенец, недоучка, годный лишь на покраску заборов, обошёл шишек из Союза художников.

Вот эта история в изложении американского журналиста: "Наши рассчитывали ошеломить русских потоком "агрессивных" абстракций. Это продолжалось до тех пор, пока в студии не появился странный парень с двумя ведрами краски, которые он позаимствовал у зазевавшихся маляров, и с намотанной на палку тряпкой для мытья полов. Раскатав холст насколько позволяло помещение, он выплеснул на него оба ведра, вскочил в середину синезелёной лужи и отчаянно заработал шваброй. Всё не заняло и десяти секунд. Мы замерли от восхищения. У наших ног распростёрся огромный женский портрет, исполненный виртуозно, изысканно, с тонким пониманием. Парень подмигнул кому-то из остолбеневших американцев, хлопнул его перепачканной ладонью ниже спины и сказал: "Хватит живописью заниматься, пойдём, рисовать научу!"

А вскоре после этого триумфа Анатолий Зверев решил бросить рисовать. Он влюбился. Люся была спортсменкой, велосипедисткой, любила походные костюмы и песни под гитару. Супруги Костаки, опекавшие Зверева, её не приняли, даже денег взаймы не дали на свадьбу. Зверев обиделся на всех, выписался из Москвы и уехал с Люсей в деревню, подальше от "московских соплей и вони". В ЗАГС они не пошли, Зверев взял Люсин паспорт и сам в нём расписался. Этого было достаточно.

Жизнь молодой пары в деревне не заладилась. Из-за того, что Зверев по-

Жизнь
Анатолия
Зверева
стала
страшным
театральным
представлением

Расположенные на стендах строго "по родам и видам" экспонаты появились много позже.

Человека

"трёх царств природы": растительно-го, животного и минералов. Экзотические редкости, вроде раковин из южных морей, собирали в Голландии многие, как и анатомические препараты, но никому до Рюйша не удалось составить "концептуального" собрания. Цель доктора была не только показать, как устроены человек и животные, но и побудить к размышлениям.

В центре одного из шкафов он составил композицию: нечто вроде скалы из камней, извлечённых из мочевого пузыря, а на скале — скелетик эмбриона, державший в руках жемчужное ожерелье и "окаменевшее сердце юноши". Рюйш пояснил эту композицию таким девизом: *"К чему мне любить эти мирские вещи?"* И далее: *"Жизнь человеческая висит на шёлковой нити"*.

Кусок засушенного мезентерия, тонкой плёнки, которой прикрепляется кишечник, Рюйш превратил в небольшой платок и дал в руки другому скелетику. Он напомнил коллекционеру слова псалма: *"Ты устроил внутренности мои и соткал меня во чреве матери моей"*.

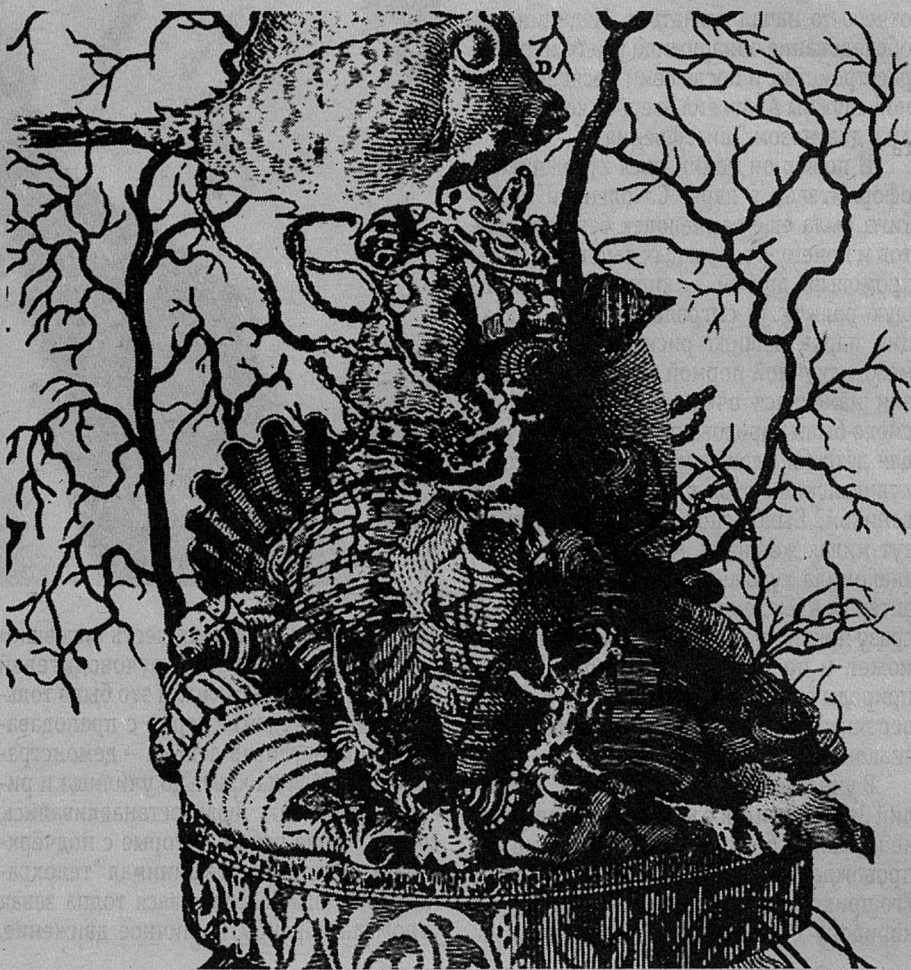
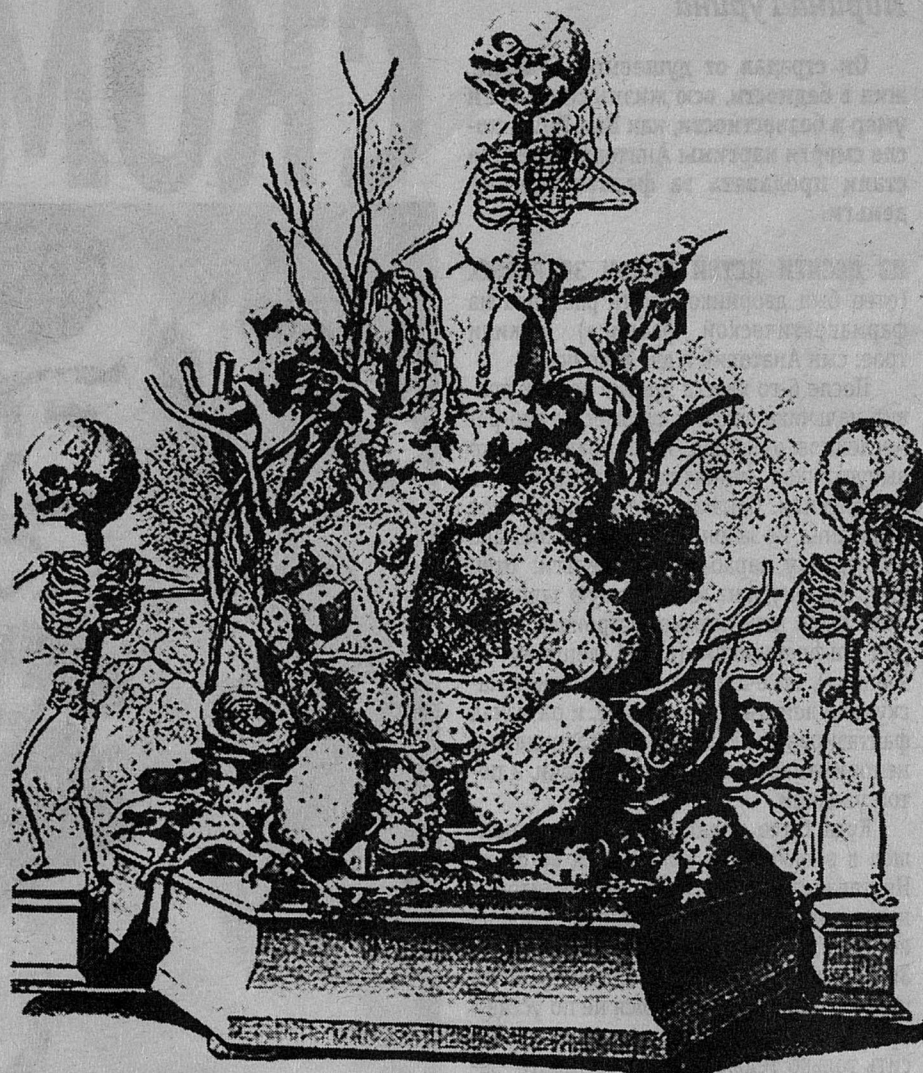
МУЗЕИ, ГДЕ ВСЕ ЭКСПОНАТЫ РАСПО-ложены на стендах и в витринах строго "по родам и видам", появились много позже, поэтому Рюйш вполне мог себе позволить украшать свою выставку узором из насекомых-однодневок даже там, где показываемый предмет никакого отношения к миру насекомых не имел. Так выходило поучительнее.

■ Цвет волос зависит от наличия в их составе соединений различных металлов. В чёрных волосах содержится преимущественно медь, железо, кобальт. Окраску волос от коричневой до рыжей обуславливают железо, молибден. В светлых волосах обнаружен титан, никель, а серопепельные волосы содержат только никель.

■ Человеческий волос крепче свинца, цинка, алюминия, платины, меди и уступает только железу, бронзе и стали. Он выдерживает груз до 100 граммов при толщине 0,05 мм. Женская коса, состоящая из 200 тысяч волос, может удерживать груз в 20 тонн.

Всё это богато и причудливо декорированное "memento mori", конечно, способно вызвать в наши дни вполне понятный скепсис. Во времена Рюйша не вызывало. И понятно почему. В 1717 году, когда Пётр Великий, горячий поклонник доктора, купил его коллекцию за совершенно сумасшедшие деньги — 30 000 гульденов, эпоха больших войн только начиналась. И ещё оставалось лет сто до того времени, когда доверчивые люди перестали покупать у бродячих торговцев эликсир вечной жизни.

В оформлении материала использованы изображения экспонатов музея Ф. Рюйша работы К. Гейсберга

сам он рисовал свёклой, вареньем, зубным порошком, управляясь губкой или ножом.

Лошадка.

стоянно носил с собой этюдник, односельчане заподозрили его в шпионаже. То, что он выписался из Москвы, тоже вызывало подозрение. Скоро перестали платить пенсию, и в конце концов Люся не выдержала – они вернулись в город. "Мамашка", как нежно называл свою мать Зверев, показав справку о душевной болезни сына, добилась восстановления московской прописки, но права не пенсию старая справка не давала. Проходить медкомиссию художник категорически отказался. Как всегда, помог случай. Однажды, не выдержав толкотни в метро, Зверев на весь вагон заорал: "Или я, или – Ленин!" Его тут же сопроводили в милицию, а оттуда – в психушку. Спустя две недели Зверев, очаровавший медперсонал больницы своим "народным юмором", был выписан с необходимостью для пенсии справкой.

Люсю он очень ревновал. В дом к себе никого не приглашал и, хоть денег в семье никогда не было, запрещал жене работать. Взял её трудовую книжку и написал: "Отныне ты – министр культуры Фурцева". Но Люсе было не до смеха, и однажды она попросту "исчезла, как привидение". Тосковал он страшно, опускаясь всё ниже и ниже. Рисовал за гроши, которые тут же пропивал.

Впрочем, "казачьи" сеансы ему нравились. Каждый он превращал в маленький спектакль. Сначала не спеша разглядывал приготовленные заказчиком холст, кисти: при себе никогда такой роскоши не держал. Считал, что художник должен уметь рисовать всем, что есть под рукой. Сам он рисовал свёклой, вареньем, зубным порошком, сухим хлебом, управляясь губкой или мочалкой, ножом или сапожной щёткой. И на всём, что окажется под рукой, – на створках шкафов, на фанере, на ржавом железе... Перед работой долго балагурил, испытывая терпение заказчика. Потом, наконец, усаживался, бросал беглый взгляд на модель и за несколько минут рисовал порт-

рет. Затем, щурясь своей знаменитой улыбкой сатира, произносил одно только слово: "Улыбочка!" – и виртуозным штрихом заканчивал работу.

ВОЛЕЮ СУДЬБЫ САМОЙ ГЛУБОКОЙ ПРИ-вязанностью Анатолия Зверева стала Ксения Михайловна Асеева, вдова известного поэта-лефовца Николая Асеева, вдохновлявшая в молодости Владимира Маяковского, принимавшая участие в шествиях "Долой стыд". И вновь – бешеная ревность. Однажды ему показалось, что "старуха" как-то особенно нежно смотрит на штангиста, которого показывали по телевизору. Зверев схватил кастрюлю и со всей силы грохнул по экрану. Асеевой пришлось убрать из квартиры всё, что связывало её с прошлым, – дорогие вазы и безделушки, портреты и письма. Как-то, когда к ней в гости пришла подруга, разъяренный Зверев с криком "Лезеянки!" высыпал на голову ни в чём не повинной женщины пакет риса. После смерти Ксении Михайловны он так и не оправился – постоянно ходил на её могилу, плакал, пил, просил прощения.

Однажды его принудительно увезли в больницу, откуда он вернулся вальным и уже ко всему равнодушным, хотя по инерции всё ещё продолжал буянить и мистифицировать. Как-то на вопрос иностранного журналиста о том, где находится его мастерская, ответил: "Где? Вот адрес! – и протянул повестку о штрафе из вытрезвителя. – Приходи, там возьмёшь интервью".

Его уход из жизни тоже стал своего рода страшным и горьким театральным представлением. Пьяные санитары уронили на лестнице тело художника, так что он проделал свой последний путь совершенно самостоятельно. За несколько дней до внезапной кончины Анатолий Зверев записал на подвернувшемся клочке бумаги: "Искусство должно быть свободным. Хотя это очень трудно. Потому что жизнь человеческая несвободна". ■

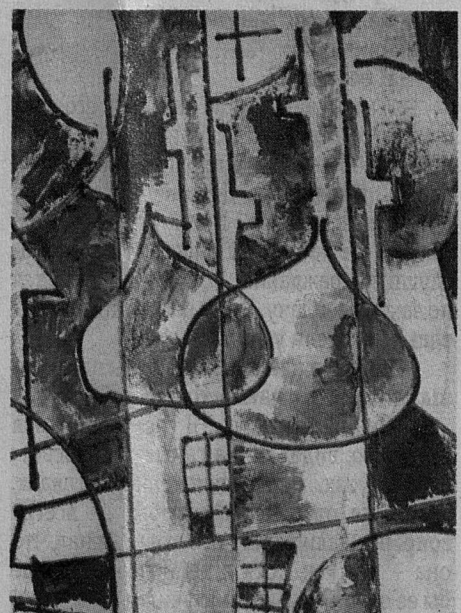
Джерри.

Обнажённая.

Женский портрет.

Купола.